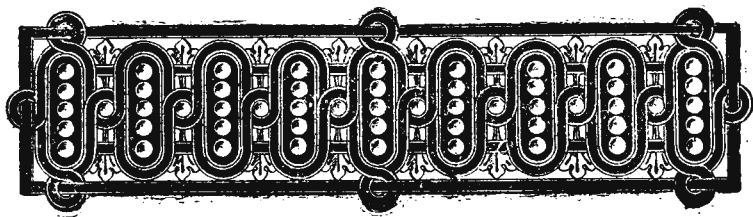

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ІЮНЬ, 1913 Г.

УСТРОИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

ВЕТВЕРТАГО мая въ Ташкентѣ поставленъ памятникъ генераль-адъютанту Константину Петровичу фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію. Хотя такой памятникъ указываетъ какъ бы лишь на военныя доблести Константина Петровича, но заслуги его тамъ на гражданскомъ поприщѣ столь важны и значительны, что единогласнымъ постановленіемъ думы тридцать два года назадъ увѣковѣчены на могильной его плитѣ въ ташкентскомъ соборѣ краткой и знаменательною надписью: «Устроитель Туркестанскаго края».

Таковымъ онъ и былъ въ полномъ значеніи слова. Получивъ въ управленіе край въ совершенно дикомъ состояніи, Кауфманъ, умирая на своемъ посту черезъ пятнадцать лѣтъ, оставлялъ Россіи окраину, территориально значительно расширенную его завоеваніями, вполне умиротворенную, граждански-благоустроенную, политически же возведенную на такую высоту, съ которой считалась не только вся Средняя Азія, но и Англія. Обширная, всесторонняя государственная дѣятельность Константина Петровича можетъ быть вполне оцѣнена въ тщательномъ, безпристрастномъ историческомъ трудѣ. Мы же ограничимся лишь первыми его дѣйствіями въ Средней Азіи.

Историческая судьба Россіи втягивала ее въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ въ постепенное занятіе средне-азиатскихъ земель и въ срединѣ прошлаго столѣтія вынудила русское правительство отръ-

питься отъ бывшей до того времени пассивной тамъ политики въ управленіи новыми землями. Окраина, отдаленная отъ метрополіи болѣе, чѣмъ на четыре тысячи верстъ, представляя при этомъ совершенно особое положеніе, пося свой отличный характеръ, не подходившій ни къ одной части нашей обширной имперіи, не могла разумно управляться издалека. Поэтому въ іюнѣ 1867 года было рѣшено образовать отдѣльное генераль-губернаторство съ широкой самостоятельной властью, съ разъ навсегда установившимся принципомъ, что власть эта должна быть представительницей тамъ великой средне-азиатской Россіи.

Начальникомъ Туркестанскаго края былъ назначенъ К. П. фонъ-Кауфманъ съ нераздѣльной властью—гражданской и военной.

За быстротой рѣшенія законъ объ административномъ устройствѣ не былъ еще выработанъ и генералу Кауфману предоставлялось право направлять дѣла по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ мѣстными условіями. Для внѣшнихъ же сношеній съ азиатскими сосѣдями ему были даны чрезвычайныя полномочія: *«право на объявленіе войны и на заключеніе мира на условіяхъ, какія генераль-губернаторъ признаетъ соответствующими достоинству русской державы, утверждалось словами акта: «Нашимъ Царскимъ Именемъ заключать».*

Самый текстъ этихъ полномочій написанъ на пергаментной бумагѣ крупными золотыми буквами, съ оттискомъ государственной печати и вложенъ въ массивный серебряный ларецъ.

Вся печать того времени одобряла исполнѣ какъ постановку самаго дѣла, такъ и выборъ государемъ назначаемого лица.

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, широко образованный, имѣлъ уже большую военную опытность, пріобрѣтенную въ теченіе долгой службы на Кавказѣ, гдѣ онъ заслужилъ георгіевскій крестъ. Въ гражданской службѣ онъ былъ тоже хорошо подготовленъ, будучи директоромъ канцеляріи военного министра, гдѣ велись дѣла военно-гражданскихъ управленій. Что касается его политическихъ убѣжденій, то они ясно опредѣлились въ бытность его генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края: искренно православный, горячій русскій патріотъ, справедливый и гуманный въ то же время, онъ возстановливалъ историческія права русскихъ людей въ этомъ исконномъ русскомъ краѣ, не прибѣгая, однако, ни къ какимъ насильственнымъ и жестокимъ мѣрамъ. Опредѣленность взглядовъ, честная откровенность и личная храбрость были характерными особенностями Константина Петровича. При всемъ этомъ, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ, онъ былъ и въ расцвѣтѣ силъ (49 лѣтъ).

Въ первыхъ числахъ сентября 1867 года генераль-фонъ-Кауфманъ выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своего служенія. Для нагляднаго ознакомленія съ возможно большимъ райономъ подвѣдомственнаго ему края онъ поѣхалъ кружнымъ путемъ на Семипалатинскъ, Сергіополь и Вѣрный. Путешествіе не только безъ желѣзныхъ дорогъ, но даже безъ почтовыхъ сообщений въ тарантахъ, гдѣ на верблюдахъ, а гдѣ и верхомъ, давало полную возможность изучать всѣ особенности края, а остановки въ городахъ, укрѣпленіяхъ и поселкахъ знакомили какъ съ лицами мѣстной администраціи, такъ и съ людьми всѣхъ сословій и положеній, съ нуждами и запросами ихъ жизни. Войскамъ удѣлялось, конечно, главное и всестороннее вниманіе, такъ какъ въ нихъ была вся будущность края—всеобщая безопасность и спокойствіе.

Всюду и все носило еще отпечатокъ нестройства и неувѣренности въ прочности положенія. Небольшія русскія колоніи, подъ охраною незначительныхъ гарнизоновъ, терялись въ массѣ туземнаго населенія, смотрѣвшаго сумрачно и угрюмо. Необходимо было придать имъ бодрости и увѣренности и твердо поставить дѣло. Спокойно-властный тонъ генераль-губернатора въ рѣчахъ, обращенныхъ и къ русскимъ и къ туземцамъ, успокоилъ однихъ и вразумилъ другихъ; а всѣ распоряженія его ясно показали, что время колебанія и неопредѣленности прошло.

Въ столицу края Ташкентъ Константинъ Петровичъ вѣхалъ послѣ двухъ мѣсяцевъ путешествія, 7-го ноября. Нельзя было себѣ представить ничего менѣе соотвѣтственнаго названію столицы: это былъ огромный пустырь безъ единого дерева, съ кой-гдѣ намѣченными улицами, еще вовсе не обстроенными. Осенній дождь, непрерывный въ это время года, превратилъ немощенныя улицы въ непролазную, липкую грязь, двигаться по которой можно было не иначе, какъ верхомъ или на арбахъ. Раскинутыя по пустырю палатки, промокшія отъ дождя, да жалкія, едва поднимавшіяся отъ земли сакли—вотъ все, что представляла столица... И только крѣпость, вида, впрочемъ, далеко не внушительнаго, да маленькая, низкая церковка свидѣтельствовали, что здѣсь живутъ русскіе. А бокъ-о-бокъ съ этой русской столицей высился густой лѣсъ южныхъ деревьевъ и среди садовъ, окружностью въ сорокъ верстъ, жило стотысячное туземное населеніе.

Не лишнее здѣсь сказать, каковъ былъ и домъ, куда вѣхалъ представитель высшей здѣсь власти: земляная крыша этого небольшого холоднаго дома промокала настолько, что во всѣхъ комнатахъ разставлены были ведра для стока воды, а надъ письменнымъ столомъ былъ раскрытъ дождевой зонтъ, подъ которымъ генераль-губернаторъ писалъ свои донесенія въ Петербургъ. Вдобавокъ ко всему, при случившемся скорѣ землетрясеніи часть дома рухнула, и Константищу Петровичу пришлось спасаться черезъ окно спальни, гдѣ ночью его застало это стихійное бѣдствіе.

По приѣздѣ въ Ташкентъ, не обращая вниманія на неудобства жизни, генераль фонъ-Кауфманъ немедленно приступилъ къ работѣ, для которой раньше всего необходимо было вдохнуть во всѣхъ увѣренность въ прочности положенія и заразить сотрудниковъ собственной энергіей для созидательной дѣятельности. Въ данномъ положеніи военный міръ и его дѣла разрѣшались легче всего: отъ опытнаго глаза военного человѣка не могло ничего ускользнуть, а такъ какъ устройство этой части лежало краеугольнымъ камнемъ всей задачи, то съ него и началась работа. Любовь къ солдату и уваженіе къ этому самоотверженному слугѣ долга—указали Константину Петровичу на первыхъ же порахъ и безошибочно, кто изъ начальствующихъ былъ радѣтелемъ о солдатскихъ нуждахъ и кто думалъ меньше о подчиненныхъ, чѣмъ о своихъ личныхъ интересахъ. Къ послѣднимъ генераль Кауфманъ отнесся весьма сурово, и всѣ поняли, что съ этой стороны пощады не будетъ. Къ счастью, такихъ было немного, и въ военной семьѣ Константинъ Петровичъ нашелъ немало хорошихъ людей. Совѣщанія въ врачами объ улучшеніи санитарныхъ условій солдатъ, жившихъ въ ужасающей грязи, въ землянкахъ, съ инженерами—о типахъ казарменныхъ и госпитальныхъ зданій; объѣзды города и выборъ мѣстъ для этихъ построекъ—все дѣлалось при его личномъ участіи, подъ его руководствомъ, и немедленно было приступлено къ подготовительнымъ работамъ.

Объѣздъ городскихъ пустырей, гдѣ въ видѣ цыганскаго табора кочевали семьи служащихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и другихъ лицъ разныхъ сословій, указывалъ внимательному начальнику на неотложную нужду создать мало-мальски сносное существованіе для колоніи русскихъ, занесенныхъ сюда волею судьбы. Большинство этихъ людей были бѣдняки, а потому Константинъ Петровичъ распорядился отводить семейнымъ людямъ земельные участки въ городѣ, а для постройки хотя бы самыхъ скромныхъ жилищъ рѣшилъ выдавать заимообразно небольшія суммы. Одновременно онъ принялся и за благоустройство города: образовались артели для шоссирования улицъ, по которымъ не было проѣзда, для проведенія арыковъ, для посадки деревьевъ и т. д. Всѣмъ доступный, участливый и добрый генераль-губернаторъ никому не отказывалъ въ совѣтахъ и помощи. Всѣ подтянулись, ободрились и ожили. Всюду закипѣла работа казенная и частная, чѣмъ и было положено начало русскому Ташкенту, превратившемуся въпослѣдствіи въ цвѣтущій городъ.

Государственно-созидательная работа въ новомъ краѣ могла идти, конечно, только при условіи полной безопасности нашихъ границъ отъ вражескихъ на нихъ набѣговъ и вторженій, чего, однако, всегда можно было ожидать со стороны сосѣднихъ властелиновъ, ко-

торые все еще питали надежды вытѣснить русскихъ изъ занятыхъ мѣстностей.

Трудно было разсчитывать повліять дипломатическими убѣжденіями на полудикихъ правителей для установленія съ ними мирныхъ сношеній. Тѣмъ не менѣе въ силу данныхъ генералу Кауфману широкихъ полномочій на веденіе политическихъ дѣлъ съ сосѣдними государствами онъ волей-неволей становился въ роль дипломата. Однако Константинъ Петровичъ рѣшилъ не вносить никакихъ хитросплетеній и недомолвокъ въ свои дипломатическіе переговоры, а ввести сразу и рѣзъ навсегда политику откровеннаго прямого и твердаго слова, которому бы азіаты пріучились безусловно вѣрить и уважать, а въ случаѣ ихъ умышленнаго непониманія подтвердить свое слово внушительнымъ урокомъ и научить ихъ безпрекословно подчиняться.

Въ кругъ дипломатическихъ сношеній входили три сосѣднія страны: Кокандъ, Бухара и Хива.

Извѣстія распространяются очень быстро въ Азіи черезъ базары, служащіе какъ бы народными клубами; поэтому вѣсть объ учрежденіи генераль-губернаторства въ Ташкентѣ съ сильнымъ и полновластнымъ представителемъ тамъ Бѣлаго царя съ быстротой молніи долетѣла до ближайшаго къ намъ Коканда и произвела тамъ большой переполохъ. Разнесся слухъ, что Россія немедленно присоединитъ ханства къ своимъ владѣніямъ, и, начиная съ хана, всѣ болѣе зажиточные люди стали поспѣшно вывозить свои имуществы и богатства въ сосѣдній китайскій Туркестанъ. Въ самомъ же ханствѣ возводились укрѣпленія, набирались войска и т. д. Генераль Кауфманъ, желая предупредить напрасную тревогу и произвести на первыхъ же порахъ благоприятное впечатлѣніе о русской власти, сильной, но и справедливой, уже 10-го ноября отправилъ письмо Худояръ-хану.

Въ этомъ первомъ дипломатическомъ документѣ представитель государя предлагалъ хану вступить въ добрососѣдскія отношенія, которыя при мирномъ и безопасномъ развитіи торговыхъ и иныхъ сношеній служили бы на пользу и благо обѣихъ странъ. Генераль увѣдомлялъ при этомъ хана, что «Россія не собирается завоевывать его владѣній, такъ какъ земли Бѣлаго царя необятно велики и въ маленькомъ ханствѣ государь не нуждается, и что если самъ ханъ не начнетъ враждебныхъ дѣйствій, то можетъ жить вполне спокойно, его никто не тронетъ. Генераль-губернаторъ выразилъ надежду, что ханъ будетъ вѣрить слову его, ибо оно свято и твердо. Но, —прибавилъ онъ,—если на это искреннее предложеніе дружескаго сосѣдства ханъ отвѣтитъ недовѣріемъ и враждой, то пусть онъ знаетъ, что никакія крѣпости и никакія арміи не спасутъ его отъ русскихъ войскъ, силу и доблесть которыхъ ханъ уже на себѣ испыталъ». Худояръ-ханъ сразу понялъ силу обстоятельствъ

и покорился имъ. На письмо генераль-губернатора онъ отвѣтилъ отправкой письма и мирнаго посольства и подписалъ предложенный ему торговый договоръ (20-го января 1868 года),

Подобное же письмо было послано и въ Хиву, причемъ генераль-губернаторъ предлагалъ хану, какъ доброму сосѣду, удерживать отъ безчинствъ хивинскихъ разбойниковъ, врывавшихся въ наши предѣлы. Но Хива, гордая воспоминаніями о двухъ неудачныхъ русскихъ къ ней походахъ, считала себя недосягаемой и непобѣдимой, а потому ханъ Мухамедъ-Рахимъ даже и не отвѣтилъ на письмо генерала Кауфмана. Сношенія съ Хивой пока на этомъ и остановились. К. П. принялъ къ свѣдѣнію поведеніе хана; но время дать ему урокъ еще не наступило...

Гораздо сложнѣе обстояло дѣло съ оплотомъ ислама въ Средней Азій, съ «священной Бухарой», какъ она тамъ величалась. Эмиръ не мирился, конечно, съ пораженіями, нанесенными ему русскими. Бухарскія шайки не переставали тревожить наши пограничные посты. Даже при этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ К. П. фонъ-Кауфманъ хотѣлъ испробовать всѣ мѣры, возможныя и согласныя съ достоинствомъ Россіи, для побужденія эмира бухарскаго къ разумной политикѣ.

Посылая увѣдомленіе эмиру о своемъ прибытіи въ край, генераль Кауманъ выяснилъ значеніе новаго положенія, перечислилъ широкія полномочія, дарованныя ему государемъ императоромъ, и предлагалъ эмиру начать добрососѣдскія отношенія согласіемъ на подписаніе мирнаго трактата, включающаго и опредѣленія границы. Но эмиръ хотя и прислалъ своего посла въ Ташкентъ съ привѣтствіемъ генераль-губернатору, но трактата не подписалъ, поручая своему послу вести окончательные переговоры по этому вопросу. Послу же были даны инструкціи затягивать дѣло, и во исполненіе этого восточный человѣкъ при всѣхъ переговорахъ ни на что не возражалъ, но и ни въ чемъ не соглашался. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса не двинулось ни на шагъ за все время пребыванія посла въ Ташкентѣ. Между тѣмъ безчинства бухарскихъ шаекъ на нашей границѣ все увеличивались, и съ наступленіемъ тепла (февраль) сами шайки становились многочисленнѣе. На базарахъ же стали ходить упорные слухи, что эмиръ собралъ стотысячную армію и готовится объявить священную войну. Генераль Кауфманъ спокойно смотрѣлъ до поры до времени на всѣ азіатскія хитрости. Въ концѣ февраля посолъ, отъ котораго нельзя было добиться толку, былъ отправленъ въ Самаркандъ. Ему было вручено письмо къ эмиру отъ генераль-губернатора съ настойчивымъ убѣжденіемъ подписать трактатъ, и не позже 18-го апрѣля доставить его въ Ташкентъ. Въ случаѣ же неисполненія его законныхъ желаній генераль Кауфманъ предупреждалъ, что прерветъ мирныя сношенія.

Событія не заставили себя ждать. Базарные слухи подтвердились достовѣрными сообщеніями, что вся Бухара была въ воинственномъ настроеніи. Но и русскіе были готовы. Когда 18-го апрѣля эмиръ не прислалъ подписаннаго трактата, войска двинулись, и 1-го мая отрядъ въ три тысячи пятьсотъ человекъ стоялъ уже въ полномъ боевомъ порядкѣ въ тридцати пяти верстахъ отъ города Самарканда—главной цѣли похода. Къ полдню того же 1-го мая отрядъ, выбравшись изъ садовъ на открытую мѣстность, увидалъ такую картину: яркое солнце съ безоблачнаго голубого неба освѣщало широкое водное пространство. То была рѣка Зеравшанъ, чрезвычайно быстрый горный потокъ, перерѣзанный множествомъ рукавовъ; ни лодокъ, ни мостовъ, ни иныхъ способовъ переправы не было... На противоположномъ берегу версты на три тянулись довольно значительныя высоты (Чапанатанъ), покрытыя сплошной массой войскъ. Десятки тысячъ узбековъ и туркменовъ собрались подъ знаменами Бухары, надѣясь разбить горсточку русскихъ воиновъ... Количественныя силы были, дѣйствительно, не равны: пятьдесятъ-шестьдесятъ тысячъ противъ трехъ тысячъ пятисотъ.

Позиція непріятеля была занята довольно умѣло: артиллерія находилась въ центрѣ; часть пѣхоты огибала подошву высотъ; другая ея половина стояла за артиллеріей; пространство между линіями пѣхоты занимала конница. Когда войска подошли къ берегу Зеравшана, къ генералу Клуфману вповѣялся посолъ, изъявляя согласіе подписать мирный договоръ. Очевидно, онъ разсчитывалъ, что внушительная сила бухарской арміи, огромная трудность переправы подъ перекрестнымъ огнемъ азіатовъ—устрашать русскихъ. Но командующій войсками спокойно отвѣтилъ, что въ виду боевого расположенія бухарскихъ войскъ онъ не можетъ остановиться на ночлегъ и предложилъ послать кого-нибудь распорядиться, чтобы войска ушли, иначе онъ будетъ принужденъ штурмовать высоты. На полученіе отвѣта было дано два часа времени. Къ назначенному сроку посланный не явился, и русскіе представили азіатамъ зрѣлище невиданное: перекрестившись, воины пошли по грудь въ водѣ, высоко поднявъ надъ головой ружья. Бодро и быстро переходила пѣхота одинъ рукавъ рѣки за другимъ, слѣдуя за казаками, указывавшими лучшій бродъ. Артиллерія, прикрывая пѣхоту и останавливаясь на меляхъ между рукавами, открывала огонь по стрѣлявшему непріятелю. Всѣ роды оружія шли смѣло, весело. Вступивъ на берегъ, пройдя еще версты двѣ болотистаго пространства, подъ прикрытіемъ небольшой высоты роты подтянулись, подправились и, ставъ въ колонны, съ крикомъ «ура» бросились на непріятеля... Лихо неслись казаки; артиллерія занявъ удобную позицію, громила огнемъ... Стремительность натиска была такъ велика и неожиданна, что передъ горстью храбре-

цовъ дрогнули тысячи бухарцевъ и эмирова армія въ безпорядкѣ бѣжала...

Къ заходу солнца бой былъ оконченъ, и въ покинутомъ лагерѣ оказалось двадцать одно орудіе хорошей отливки (судя по надписямъ—англійскія). За наступившей темнотой и послѣ испытаннаго войсками напряженія бѣжавшую армію не преслѣдовали. Схоронивъ убитыхъ, перевязавъ и устроивъ раненыхъ, организовавъ сторожевую службу, войска пропѣли вечернюю молитву и расположились на ночлегъ.

Слабое сопротивленіе на Чапанатанскихъ высотахъ наводило на мысль, что тутъ была лишь только передовая армія, что сопротивленіе готовится подъ Самаркандомъ, лежавшимъ въ семи верстахъ отъ высотъ. Но, къ удивленію, рано утромъ 2-го мая къ командующему войсками явилась депутація самаркандцевъ, изъявляя покорность. Движеніе къ Самарканду шло съ необходимыми военными предосторожностями, въ боевомъ порядкѣ; на азіатовъ было опасно полагаться... Однако ворота были открыты, жители мирно сидѣли около своихъ жилищъ, на базарахъ и въ лавочкахъ и встрѣчали войска привѣтливыми поклонами. Переходя изъ одной кривой улицы въ другую, отрядъ достигъ цитадели, и въ нѣкогда грозной столицѣ Тамерлана высоко и побѣдоносно водрузилось русское знамя, 2-го мая 1868 года. Но какъ ни было внушительно это событіе—почти на лаврахъ было преждевременно. Хотя побѣда 1-го мая показала, что армія бухарская не очень сильна, но она все-таки не была истреблена, а только куда-то скрылась. Кучка же русскихъ храбрецовъ находилась теперь въ самомъ центрѣ фанатическаго мусульманства, удаленная при этомъ отъ Ташкента—воей главной базы—на триста верстъ. Бдительность, осторожность и вѣрная оцѣнка всевозможныхъ обстоятельствъ являлись дѣломъ первой необходимости. Послѣдующія событія показали, насколько это было важно.

Послѣ взятія Самарканда положеніе эмира становилось опаснымъ. Имя его произносилось съ проклятіями муллами. Эмиру надо было поднять свой престижъ, а для этого было необходимо продолжать войну. Эмиръ созвалъ военный совѣтъ, и въ глубочайшей тайнѣ былъ выработанъ очень ловкій планъ: рѣшено, не вступая въ серьезный бой подъ Самаркандомъ, отвлекать русскія войска отъ этого города, затягивая ихъ вглубь страны. Когда же главныя силы русскихъ отойдутъ отъ столицы, то осадить ее.

Планъ началъ приводиться въ исполненіе уже 6-го мая. Вокругъ города стали появляться партіи конницы; доходили слухи, что и въ близлежащихъ кишлакахъ не все спокойно. Приходилось откомандировывать небольшіе отряды для отраженія конныхъ шашекъ

и усмиренія кншлаковъ. Въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ Ургентѣ, сопротивленіе было упорное. Цитадель оказалась сильно укрѣпленной, и хотя была взята, но съ потерей пятнадцати нижнихъ чиновъ убитыми и трехъ офицеровъ ранеными. Хитрая тактика отвлеченія нашихъ отрядовъ одновременно въ разные пункты, дробя наши силы, представляла большія неудобства. Такъ, былъ отправленъ довольно значительный отрядъ за шестьдесятъ пять верстъ отъ Самарканда, къ Ката-Кургану, подъ начальствомъ генерала Головачева, боевого сослуживца генерала Кауфмана по Кавказу. Другому отряду, подъ командой опытнаго полковника Абрамова, приходилось разбивать скопища горныхъ шехяризябцевъ. Въ двухдневныхъ стычкахъ шехяризябцы понесли большія потери, но и съ нашей стороны ранено тридцать пять, убито шесть нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Между тѣмъ нападенія на ката-курганскій отрядъ учащались, и бухарцы дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Признавъ такую затяжную войну дѣломъ нетерпимымъ и опаснымъ, генераль Кауфманъ рѣшилъ вынудить эмира на генеральный бой и 30-го мая самъ пошелъ къ Ката-Кургану съ десятью ротами, тремя сотнями и шестью орудіями. Пройдя шестьдесятъ пять верстъ въ однѣ сутки, отрядъ прибылъ 31-го мая къ Ката-Кургану, гдѣ и была ему дана дневка. Вблизи этого города, на Зарабулакскихъ высотахъ была сосредоточена отборная армія бухарскаго ханства. При арміи находился самъ эмиръ.

Съ уходомъ войскъ изъ Самарканда здѣсь долженъ былъ разыгратъ послѣдній актъ плана, составленнаго на совѣтѣ эмира Эмиръ, надѣясь уничтожить русское войско подъ Ката-Курганомъ, предписалъ самаркандскимъ жителямъ вмѣстѣ съ шехяризябцами напасть на цитадель и перебить всѣхъ ея защитниковъ. Въ Самаркандѣ былъ оставленъ гарнизонъ въ семьсотъ человѣкъ. Онъ находился въ цитадели, расположенной на возвышенности, командующей надъ окружающею мѣстностью. Сама цитадель была обнесена крѣпкой и высокой стѣной. Штурмъ ея былъ почти невозможенъ, а потому и защита стѣны была нужна въ извѣстныхъ только пунктахъ. Внутри цитадели находится ханскій дворецъ, который могъ служить послѣднимъ убѣжищемъ осажденныхъ. Сравнительно сильная крѣпость и семьсотъ человѣкъ испытанныхъ войскъ съ опытными офицерами представляли бы внушительную силу, если бы, къ несчастію, мѣстная лихорадка, жестокая и расслабляющая, не одолѣвала трети гарнизона.

1-го іюня въ городѣ, повидимому, царило полное спокойствіе; жители мирно занимались своими обычными дѣлами, и ничто не предвѣщало наступающей драмы. Утромъ 2-го іюня къ начальнику гарнизона явилась депутація отъ городскихъ жителей про-

ситъ защиты противъ шехариязбцевъ, которые собираются напасть на Самаркандъ. Это была комедія, но такъ хорошо разыгранная, что ей повѣрили и отрядъ изъ двухъ ротъ и двухъ орудій выступилъ изъ цитадели. Но лишь только онъ очутился въ узкихъ улицахъ туземнаго города, какъ съ крышъ домовъ и стѣнъ, окружающихъ сады и жилища, открылась пальба... Жители измѣнили и завлекли отрядъ въ ловушку. Къ счастью, онъ благополучно успѣлъ вернуться въ цитадель; но едва закрылись за нимъ ворота, какъ со всѣхъ сторонъ раздался барабанный бой, оглушительные звуки изъ огромныхъ іерихонскихъ трубъ и неистовые крики—«уръ-уръ» изъ тысячи грудей озвѣрѣлыхъ азіатовъ. И горсточка русскихъ людей приготовилась къ героическимъ подвигамъ... Болѣе двадцати тысячъ шехариязбцевъ вмѣстѣ съ самаркандцами начали яростныя атаки на слабые пункты крѣпостной стѣны. Защищать эти пункты собрались всѣ, до послѣдняго слабого и больного. Бой шелъ на жизнь и на смерть. Съ заходомъ солнца, когда натискъ непріятеля прекратился, подсчитали потери: онѣ были велики для маленькаго гарнизона: двадцать два убитыхъ, изъ нихъ два офицера и раненыхъ пятьдесятъ восемь человѣкъ (четыре офицера). Тяжело раненъ начальникъ обороны майоръ Альбедиль, умершій вскорѣ... Второй день атаки, 3-го іюня, былъ также фаталенъ въ смыслѣ потерь, но и также удачно отбивались храбрые защитники; бывали моменты критическіе, когда нападающіе врывались уже въ цитадель, но находчивость и мужество спасали... Помощи отъ ушедшихъ войскъ ждать было бы напрасно: ни одинъ посланецъ изъ русскаго лагеря не добрался живымъ до главнокомандующаго. Напротивъ, какъ оказалось впоследствии, хитрые азіаты подослали одного джигита къ генералу Кауфману съ увѣдомленіемъ, что на Самаркандъ было сдѣлано нападеніе шехариязбцевъ, но что гарнизонъ совмѣстно съ жителями отбилъ непріятеля... Большая убыль убитыми и ранеными въ эти два первые дня (сто пятьдесятъ девять человѣкъ) ясно опредѣляла опасное положеніе: если она будетъ такой и дальше, то цитадели не продержаться и двухъ дней, такъ какъ неостанетъ людей для обороны слабыхъ мѣстъ. Было рѣшено, что когда непріятель ворвется въ крѣпость, всѣ оставшіеся въ живыхъ соберутся во дворцѣ эмира, защищаясь до послѣдней крайности, а когда исчезнетъ послѣдняя надежда—взорвать порохъ и снаряды...

Но къ этой крайней мѣрѣ не пришлось прибѣгать. Какъ разъ въ дни и часы героической защиты Самарканда въ другомъ концѣ эмирова царства кипѣлъ ожесточенный бой, который показалъ, какъ было своевременно и необходимо предпринять это рѣшительное дѣло. Тамъ армія эмира дралась мужественно, чувствуя, что это послѣдняя критическая ставка, отъ которой зависѣла судьба ханства. На этотъ разъ не наблюдалось столь обычнаго у

азіатовъ паническаго бѣгства при появленіи русскихъ войскъ; огромная потеря бухарцевъ убитыми краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствовала. Тутъ легъ цвѣтъ защитниковъ Бухары, что было видно по тѣламъ убитыхъ: это были люди 20—40-лѣтняго возраста, атлетическаго сложенія; такого же вида были старики, попадавшіеся между убитыми. Раненые пощады не просили, а встрѣчали русскихъ выстрѣлами въ упоръ или штыками. При такомъ настроеніи противника нашему малочисленному войску пришлось напрячь всѣ силы, чтобы одолѣть десятки тысячъ стойкихъ непріятелей. Нечего говорить, какъ они съ этимъ справились: побѣда на Зарабулакскихъ высотахъ рѣшила участь ханства. Она же спасла и Самаркандъ.

Извѣстіе о полномъ разгромѣ бухарской арміи разнеслось съ быстротою молніи, и уже 3-го іюня вечеромъ дошло до стѣнъ Самарканда. Въ ту же ночь масса дикихъ шехяризябцевъ отхлынула въ свои горы. Энергія остальныхъ атакующихъ сильно упала. 4-го іюня они еще произвели нѣсколько слабыхъ и безрезультатныхъ приступовъ, но скоро ограничились лишь перестрѣлкою. Осажденные могли уже дѣлать вылазки и сжигали ближайшія къ цитадели строенія туземцевъ, а также предпринимали фуражировки. 7-го іюня самаркандцы сдѣлали послѣднюю попытку къ штурму, но были быстро отбиты, а 8-го іюня войска побѣдители на Зарабулакскихъ высотахъ соединились съ храбрыми товарищами — защитниками Самарканда.

Въ силу полномочій, данныхъ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, между нимъ и бухарскимъ властителемъ былъ заключенъ договоръ, по которому эмиръ, кромѣ уплаты 500-тысячной контрибуціи, уступалъ Россіи города Самаркандъ и Ката-Курганъ съ принадлежащими имъ землями. Главное преимущество этого приобрѣтенія заключалось въ томъ, что въ русское владѣніе впервые поступали не пустынные пространства, съ рѣдкими на нихъ оазисами, какъ было до сихъ поръ, а сплошная богатая и высокой культуры территорія плодородной Зеравшанской долины, изъ которой и былъ образованъ Зеравшанскій округъ.

Такъ рушились честолюбивые планы эмира. Бухара лишилась окончательно и безповоротно своего политическаго значенія на Востокѣ.

Разгромъ грозной дотолѣ бухарской арміи и взятіе Самарканда, этой второй Мекки, гдѣ покоится прахъ Тамерлана, произвели ошеломляющее впечатлѣніе во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Вѣсть объ этомъ раскатилась по всему Востоку отъ Урала до Памира и дальше въ предѣлы Индіи. Суевѣрные азіаты

приписывали побѣды русскихъ сверхъестественной силѣ, признали Россію непобѣдимой; сосѣднія намъ хапства притихли и присмирѣли, на время по крайней мѣрѣ. Таковъ былъ здѣсь результатъ рѣшительной русской политики.

Если самаркандская исторія закончилась въ Азіи, то она возобновилась въ Европѣ. «Наши дѣйствія въ Средней Азіи подняли въ Англіи глубокое волненіе. Англичане съ жаромъ старались доказать, что всѣ мѣры, принятые русскимъ правительствомъ въ этихъ земляхъ, были въ явномъ противорѣчій съ заявленіями циркуляра князя Горчакова». Вся лондонскія печать разразилась оскорбительными нападками на Россію. Злѣйшій врагъ нашъ, венгерскій еврей Вамбери, путешествовавшій нѣкогда по азіатскимъ хапствамъ въ одеждѣ дервиша, агитируя противъ Россіи, писалъ теперь въ «Times» зажигательныя статьи, призывая правительство и общество противодействовать всѣми способами «этой варварской странѣ, всѣ помыслы которой направлены на одну цѣль—завоеваніе Индіи». Въ томъ же духѣ писалъ «Standard», убѣждавшій правительство «дать почувствовать свое присутствіе и свое вліяніе въ городахъ и при дворахъ Средней Азіи и снова приняться за дипломатическую дѣятельность, которая уже давно дремлетъ». Переводя это на общепонятный языкъ, значило—посылать ловкихъ агентовъ для подстрекательства противъ Россіи ея новыхъ подданныхъ мусульманъ и сосѣднихъ къ ней азіатскихъ властителей. Нечего и говорить, какой враждой къ намъ пылалъ органъ Биконсфильда «Morning Post». Но сильнѣе всѣхъ вліялъ на общественное мнѣніе Англіи дипломатъ-географъ, считавшійся знаткомъ азіатскихъ дѣлъ, сэръ Генри Раульсонъ, подавшій своему правительству записку тотчасъ послѣ занятія Самарканда. Въ этой запискѣ онъ настойчиво совѣтуетъ «немедленно оградиться отъ злостныхъ замысловъ Россіи, оставивъ между владѣніями двухъ имперій въ Азіи полосу, который бы предохранялъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія». Такимъ государствомъ-буферомъ намѣчался Афганистанъ. Не довольствуясь лишь моральнымъ вліяніемъ на эту страну, Раульсонъ считалъ необходимымъ занять войсками важныя стратегическіе пункты на афганистанскихъ границахъ, намѣчая для перваго раза городъ Кветту. Пугая своихъ соотечественниковъ неминуемымъ и чуть ли не немедленнымъ нашествіемъ русскихъ на Индію, онъ предлагалъ спастись отъ Россіи и съ другой стороны, находя, что англійское правительство обязано также для обезпеченія безопасности своихъ остъ-индскихъ владѣній занять господствующее положеніе при тегеранскомъ дворѣ, чтобы освободить Персію отъ русскаго ига... Какъ извѣстно, Кветта была впослѣдствіи занята и притомъ во время полнаго мира... Что же касается втораго пункта исторической меморіи, то при современныхъ событіяхъ въ Персіи невольно напрашивается вопросъ:

не приводится ли въ исполненіе именно теперь дальновидный планъ Раульсона, и, подъ покровомъ нашего же соглашенія, не «освобождается ли Персія отъ русскаго ига?» Кстати замѣтить, что въ Англіи, не въ примѣръ намъ, не погребаются въ архивахъ полезные для родины совѣты государственныхъ людей, какъ бы давно они ни были преподаны, а при удобномъ случаѣ мудро примѣняются...

Газетный походъ противъ «хитрой, жадной, варварской Россіи», какъ ее величали, продолжался изо дня въ день и не вселялъ, конечно, добрыхъ чувствъ въ русскіхъ. Какъ ни мало политически развито было наше общество, но оскорбленное чувство національнаго достоинства заговорило въ немъ. Несмотря на наше славянско-русское добродушіе, всѣхъ охватила несвойственная намъ злобая радость и надежда, что Англія, обнаруживая свою Ахиллесову пятку, можетъ получить отместку за ея козни и происки.

Но Англія нашла сильныхъ союзниковъ въ нашихъ бюрократическихъ кругахъ. Всемогушій въ то время шефъ жандармовъ графъ Петръ Шуваловъ и министръ П. А. Валуевъ, недавніе противники Кауфмана въ польскомъ вопросѣ, теперь оказались яркими англофилами. Наши дѣла въ Азіи они объявили «затѣями туркестанской администраціи»; право цивилизаторской тамъ миссіи признавали лишь за Англіей, находя Россію вовсе къ этому не пригодной; громко порицали сдѣланныя тамъ завоеванія и пугали неминуемой войной съ Англіей «изъ-за такихъ пустяковъ». За ними, какъ за людьми вліятельными въ высшихъ сферахъ, шло, конечно, большинство ихъ сослуживцевъ, министровъ и иныхъ сановниковъ. Настроеніе этого правительственнаго круга, не считавшагося ни съ какими общественными мнѣніями, брало верхъ, сгущало атмосферу и подготовляло отмѣну едва установившагося взгляда на политическое направленіе въ Азіи и уничтоженіе данныхъ туркестанскому генераль-губернатору полномочій.

Далекій отъ всѣхъ этихъ настроеній, отдаленный тысячами верстъ труднопроѣзнаго пути, не имѣвшій телеграфа ближе, какъ за двѣ тысячи верстъ, генераль Кауфманъ, закончивъ свое военное дѣло, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ могъ спокойно оставить край. Внушительный урокъ Бухарѣ гарантировалъ вполне отъ враждебныхъ выступленій; притомъ же на всѣ отвѣтственные посты имъ были выбраны надежные люди. Ѣхать же въ Петербургъ онъ считалъ необходимымъ для личнаго доклада государю о ходѣ дѣлъ и выясненія взгляда на дальнѣйшія задачи Россіи въ этой странѣ, совѣтъ не знакомой ни государю, ни князю канцлеру, ни военному министру. Множество вопросовъ по внутреннему управленію краемъ настоятельно требовали соглашенія съ разными министрами и т. д. Надо всѣмъ этимъ смутно, но упорно, выступало опасеніе за новое русское дѣло, за достоинство здѣсь русскаго

имени. Константинъ Петровичъ хорошо зналъ правящій Петербургъ: космополитическій, легкомысленно-либеральный, когда дѣло шло о національной чести, завистливый къ успѣхамъ людей не его пошиба, готовый изъ-за личныхъ мелкихъ чувствъ жертвовать даже выгодами и интересами государства.

Однако, какъ ни правильно оцѣнивалъ К. П. наши столичные нравы, но и онъ не могъ всего предвидѣть... Предоставимъ самому ему рассказать, что случилось. Для этого мы пользуемся частнымъ дневникомъ, куда занесены подлинными словами Константина Петровича неожиданный эпизодъ, рассказанный имъ близкимъ людямъ значительно позже, именно въ 1877 году.

«Наладивъ дѣла, я спокойно выѣхалъ въ Петербургъ. По дорогѣ я долженъ былъ останавливаться въ разныхъ пунктахъ, чтобы ознакомиться съ административными лицами и ихъ дѣйствіями, осмотрѣть мѣстныя команды, и проѣхать по незнакомой еще Сыръ-Дарьинской области.

«Не успѣлъ я отѣхать сто верстъ отъ Ташкента, какъ по дорогѣ мнѣ встрѣтился курьеръ изъ Петербурга. Его неожиданное появленіе смутило меня предчувствіемъ чего-то недобраго. Я вышелъ изъ экипажа и, взявъ отъ курьера пакетъ, отошелъ немного въ сторону отъ дороги. Къ счастью, что я такъ поступилъ, иначе мнѣ было бы трудно скрыть отъ моихъ спутниковъ охватившее меня волненіе. Въ пакетѣ было высочайшее повелѣніе немедленно вернуть Самаркандъ Бухарѣ...

«Какое бы рѣшеніе я ни принялъ, надо было доѣхать до станціи Чимкентъ, до которой оставалось двѣнадцать верстъ. Спрятавъ пакетъ на груди и овладѣвъ своимъ голосомъ, я спокойно сказалъ курьеру: «Доѣзжайте со мной до Чимкента; тамъ вы отдохнете и, получивъ мои инструкціи, вернетесь въ Петербургъ. Вы, вѣроятно, устали?» Курьеръ отвѣтилъ, что ѣхалъ день и ночь всѣ 2.500 верстъ, торопясь застать меня въ Ташкентѣ.

«Нетрудно представить, какія мысли и чувства волновали меня. Высказаться, разрядить себя я не могъ; я долженъ былъ скрывать тяжелую тайну. Въ душѣ моей, однако, не было ни минуты колебанія: послѣ огромныхъ жертвъ, понесенныхъ нашими славными войсками въ Бухарѣ, и важности достигнутыхъ результатовъ я считалъ немислимымъ вернуть Самаркандъ, не унижая Россіи...

«Въ сущности я вѣдь былъ уже государственнымъ преступникомъ, слушникомъ моего царя... Неисполненіе высочайшаго повелѣнія влекло за собою въ лучшемъ случаѣ—удаленіе со службы, а не то и разжалованіе, даже смертную казнь... Все это я взвѣсилъ, и тѣмъ не менѣе принялъ рѣшеніе не исполнить воли государя... Тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеръ слѣдовалъ за мною на разстояніи одного-двухъ дней, я могъ воспользоваться, чтобы провѣрить себя и перерѣшить, если это бы было дѣломъ взышки, дѣйствіемъ

сгоряча. На первой же остановкѣ, въ слѣдующемъ городѣ, возможно было написать донесеніе государю, что повелѣніе его будетъ исполнено, дожидаться курьера, вручить ему пакетъ, а самому вернуться въ Ташкентъ. Но я ѣхалъ одиннадцать сутокъ и... все впередъ... Вы сами испытывали путешествіе въ экипажѣ по нашей степи въ хорошую осеннюю погоду, когда день и ночь дарятъ насъ такими красотою свѣта, звуковъ, ароматовъ; когда въ тишинѣ и на просторѣ этой степи утихаютъ самыя бурныя чувства, проясняются мысли, успокаиваются нервы. Все это я испыталъ и, проѣхавъ 2.500 верстъ, ни разу не мелькнула мнѣ мысль дожидаться курьера... По моему пониманію, а главное—по внутреннему чувству—я не могъ святотатственно поднять руку на достоинство, честь и право Россіи. Это было выше моихъ силъ. Мнѣ было очевидно, что государь былъ введенъ въ заблужденіе неправильнымъ освѣщеніемъ событій. Смутная, едва теплившаяся надежда мелькала во мнѣ, что я смогу разубѣдить императора... Но въ общемъ я приготовился къ справедливому гнѣву государя за неисполненіе его повелѣнія, приготовился къ потери его милости и всего съ этимъ сопряженнаго. Во всѣхъ этихъ мысляхъ и чувствахъ я окрѣпъ, закалился и, подъѣзжая къ Петербургу, былъ уже спокоенъ. Притомъ же мое послушаніе не измѣняло существа дѣла: государь могъ послать кого угодно сдать Самаркандъ.

«Приведя себя въ порядокъ еще въ поѣздѣ, надѣвъ мундиръ, я съ желѣзной дороги отправился прямо во дворецъ. Домой я не давалъ знать о днѣ своего пріѣзда. Дѣло было тайное между государемъ и мною, и я не хотѣлъ подвергать себя никакимъ вліяніямъ и впечатлѣніямъ, ни уговорамъ, ни просьбамъ, ни протестамъ. Все это могло на меня навалиться. Государь тотчасъ же принялъ меня, когда ему доложили; у него никого не было еще съ докладами. Мое появленіе было неожиданнымъ, и я замѣтилъ, что оно удивило.

«Съ первыхъ же словъ государь спросилъ:

«— Видѣлъ ты курьера посланнаго къ тебѣ?

«— Да, государь, я встрѣтилъ его на дорогѣ, за сто верстъ отъ Ташкента.

«— И что же ты сдѣлалъ?..

«— Ваше величество, я не исполнилъ вашего повелѣнія и исполнить его не могу...

«Наступила минута молчанія, и въ эту минуту на меня смотрѣлъ разгнѣванный царь...

«Вспоминая эту сцену, мнѣ до сихъ поръ представляется, точно говорилъ не я, а кто-то другой во мнѣ, мой двойникъ. Въ рукахъ я держалъ злополучный пакетъ съ печатями. Государь взялъ его и бросилъ на столъ. Затѣмъ, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ началъ ходить по кабинету. Не получая никакого приказанія, я молча стоялъ, придвинувшись къ двери. Рѣшительно не могу опредѣлить,

прошелъ ли часъ, прошло ли только нѣсколько минутъ этого страннаго молчаливаго свиданія государя съ своимъ послушнымъ подданнымъ. Когда съ меня спала тягота моего признанія, я уже могъ наблюдать и видѣть по его опущенной головѣ и по выраженію его лица, что въ немъ происходитъ внутренняя борьба... Несомнѣнно, что злыя вліянія нависли надъ государемъ, и что подъ ихъ гипнозомъ онъ подписалъ свое повелѣніе. Въ эти минуты мнѣ былъ важенъ одинъ вопросъ: настаивалъ ли на этомъ князь Горчаковъ? Если да, то надежды было мало, чтобы государь перерѣшилъ...

«Излишнее говорить, какъ внутренно я дрожалъ за Россію...

«Наконецъ государь остановился прямо передо мною. Слѣды гнѣва исчезли съ его лица, но выраженіе его было серьезно, даже тревожно...

«— Почему ты такъ поступилъ?

«— Ваше величество, Азія страна своеобразная; она понимаетъ и уважаетъ только силу. Изъ разъ завоеваннаго ей нельзя уступать ни одной пяди. Ваше великодушное намѣреніе вернуть Самаркандъ Бухарѣ Азія объяснитъ единственно слабостью нашей и боязнью кого-то. Она знаетъ, что Турція и Англія слѣдятъ за нами. Малѣйшая уступка, и насъ не только перестанутъ уважать и бояться, но мы рискуемъ потерять все, чѣмъ завладѣли раньше, или будемъ вынуждены брать опять все съ бою. Насъ тамъ мало, а Англія поможетъ подняться всему мусульманству противъ насъ въ Средней Азій».

«Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить больше; самъ государь, новидимому, тоже не вполне справился съ своими чувствами. Было только ясно, что упорствовать въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи онъ не будетъ и что мой поступокъ онъ не считаетъ преступленіемъ, напротивъ—лояльнымъ актомъ вѣрноподданнаго.

«— Видѣлъ ли ты Горчакова или Милютина?

«— Нѣтъ, государь, я осмѣлился явиться прямо къ вамъ съ дороги.

«— Повидайся съ Горчаковымъ, переговоры съ нимъ, и потомъ вмѣстѣ доложите мнѣ.

«Государь подаль мнѣ руку и крѣпко-крѣпко пожалъ мою. А я... я поцѣловалъ эту благородную руку, которая смѣло зачеркивала то, что недостаточно продуманно подписала...

«Уже съ легкимъ сердцемъ ѣхалъ я къ Горчакову. Изъ свиданія съ княземъ-канцлеромъ выяснилось, насколько наша дипломатія да и все правительство поддались угрозамъ и бѣснованію Англіи; выяснилось же главное—полное непониманіе положенія Россіи въ Средней Азій, полное незнакомство съ характеромъ мѣстныхъ жителей и съ дѣйствительной силой тамошнихъ государствъ. Да, это бюрократическое невѣжество наше поразительно. Инстинктъ русскихъ людей вѣренъ,—но знаній никакихъ. Больше того: нѣтъ ни-

какого серьезнаго желанія учиться, вникать въ дѣло, смотрѣть впередъ и учитывать будущую пользу и связь событій. Самое бѣснованіе Англіи должно было не путать наше правительство, а радовать его. Если наше движеніе въ Азіи приводитъ англичанъ въ такое неистовство, — то, значить, оно вѣрно попадало въ цѣль, для кого-то опасную, слѣдовательно, непременно полезную намъ. Вѣдь несомнѣнно, что Англія врагъ Россіи и нигдѣ неуязвима, кромѣ какъ въ Азіи... Какъ не считаться съ этимъ. Какъ не понимать, что это узда, которой мы всегда можемъ сдерживать Англію, готовую намъ всюду вредить, что уже и показала она въ Крымскую кампанію...

«Все это приходилось объяснять тамъ въ Петербургъ... Но какъ ни просты и ясны были мои доводы — не ко многому они привели.

«Впрочемъ, тогда все-таки удалось разстроить козни Англіи и ея русскихъ друзей и удержать Самаркандъ. Князь Горчаковъ имѣетъ свои слабости, но онъ хорошо, по-русски чувствующій человѣкъ: мнѣ было легко съ нимъ сговориться и, очевидно, не онъ склонялъ государя на уступки Англіи, ибо идея возвращенія Самарканда шла отсюда... Д. А. Милютинъ тоже не могъ допустить такого униженія русскаго воинства. Я не доискивался, откуда шла интрига. Не все ли это было равно, разъ что государь отказался отъ первоначальнаго плана и, какъ мнѣ кажется, отказался не безъ радости и облегченія.

«Со временемъ мое послушаніе, быть можетъ, по архивнымъ документамъ станетъ достояніемъ исторіи, но я попрошу васъ, — закончилъ К. П., — дать мнѣ слово, пока я живъ, никому объ этомъ не рассказывать. Дѣло это извѣстно лишь очень немногимъ. Проигравшіе игру совѣтники государя, конечно, будутъ молчать по причинамъ понятнымъ. Я — тоже. Какъ ни высока въ этомъ эпизодѣ роль государя, тѣмъ не менѣе нельзя выставлять, что онъ, хотя временно, поддался увѣщаніямъ людей, не думавшихъ о чести Россіи... Что касается меня, то я все-таки подаль примѣръ слишкомъ смѣлый, не исполнивъ высшаго закона въ имперіи. Обстоятельства меня оправдали; мотивы у меня были чрезвычайные, но примѣръ можетъ быть заразителенъ, а отъ этого Боже избави».

Такъ проявилъ себя на первомъ государственномъ дѣлѣ К. П. фонъ Кауфманъ.

Затѣмъ въ 1873 г. былъ имъ сдѣланъ знаменитый хивинскій походъ. Трудность предпріятія заключалась не въ побѣдахъ надъ врагомъ — ничтожнымъ въ сравненіи съ нашими войсками, — но въ преодоленіи безпощадной средне-азіатской природы. И походъ этотъ отмѣченный въ лѣтописяхъ исторіи, поддержалъ традиціи суворовскихъ «чудо-богатырей». Подобно тому, какъ предки въ альпійскихъ ледникахъ и на горныхъ кручахъ подъ ужасами тридцатиградуснаго мороза являли примѣры сверхчеловѣческой стойкости, несокру-

шимой дисциплины и преданности долгу, такъ и потомки въ глубокихъ, сыпучихъ пескахъ безводной, раскаленной сорокапятиградуснымъ зноемъ пустыни, утоляя жажду лишь глотками горько-соленой воды, перетаскивая на себѣ тяжести, снятыя съ падавшихъ верблюдовъ, не дрогнули, не проявили слова ропота и показали міру всенеумиращую мощь великаго русскаго воинства... Вѣра въ начальника, терпѣвшаго одинаково съ солдатами, ни на минуту не колебалась..

Замѣчательно, что, когда походъ былъ уже начать, Англія потребовала подтвержденія нашихъ обѣщаній. И въ Лондонъ былъ посланъ графъ Петръ Шуваловъ съ завѣреніемъ, что Россія Хивой не завладѣетъ, что посланы въ этомъ смыслѣ приказанія и инструкціи не оставаться долго въ Хивѣ. И такъ, миссіей графа Шувалова предпрѣшались результаты той сложной грозно-рискованной задачи, которая давалась войскамъ... Но, должно быть, инструкціи не преодолѣли сыпучихъ песковъ и не дошли по назначенію... Въ свою очередь, генераль Кауфманъ, учитывая ужасы похода и несокрушимую доблесть войскъ, соображаясь съ достоинствомъ великой, русскаго державы, нашель умѣстнымъ, оставляя хана правителемъ своей страны, сдѣлать его покорнымъ вассаломъ Бѣлаго царя. Чтобы приучить его къ этой роли, К. П. отрѣзалъ на правомъ берегу Аму-Дарьи часть хивинской земли, гдѣ и заложилъ городъ Петро-александровскъ, назначивъ начальникомъ новой области полковника Иванова (впослѣдствіи туркестанскаго генераль-губернаторъ). Кроме того, онъ наложилъ на ханство контрибуцію въ два милліона рублей и освободилъ сорокъ тысячъ персіанъ, томившихся въ рабствѣ у Хивы.

Ханъ всему подчинился: никогда съ тѣхъ поръ не нарушалъ онъ вѣрности Бѣлому царю и аккуратно уплачивалъ контрибуцію. Какъ ни волновалась Англія этими постановленіями, однако и она поняла, что послѣ похода, удивившаго міръ, ея притязанія не могли быть уважены... Знаменательно, что въ 1913 г. исполняется сорокъ пять лѣтъ самаркандскому походу и сорокъ лѣтъ походу хивинскому. Въ обоихъ походахъ май мѣсяць рѣшаль участь обоихъ ханствъ.

Въ 1876 г. въ Кокандскомъ ханствѣ поднялось возстаніе противъ Худояръ-хана, и вслѣдъ за тѣмъ былъ объявленъ газаватъ. Большія скопища появлялись въ тридцати верстахъ отъ Ташкента. Немедленно были двинуты наши войска. Подъ личнымъ начальствомъ генерала Кауфмана была разгромлена крѣпость Махрамъ, а затѣмъ ханство было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, несмотря на новые протесты Англіи. Губернаторомъ области Константинъ Петровичъ назначилъ Скобелева.

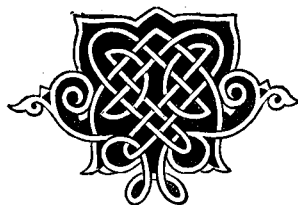
Такимъ образомъ въ первыя девять лѣтъ генераль-губернаторства К. П. фонъ-Кауфмана закончились завоеванія со стороны Туркестанскаго края, территория котораго увеличилась на 5.370 квад-

ратныхъ верстѣ. При этомъ нужно отмѣтить, что всѣ три области представляютъ богатѣйшіе культурные оазисы.

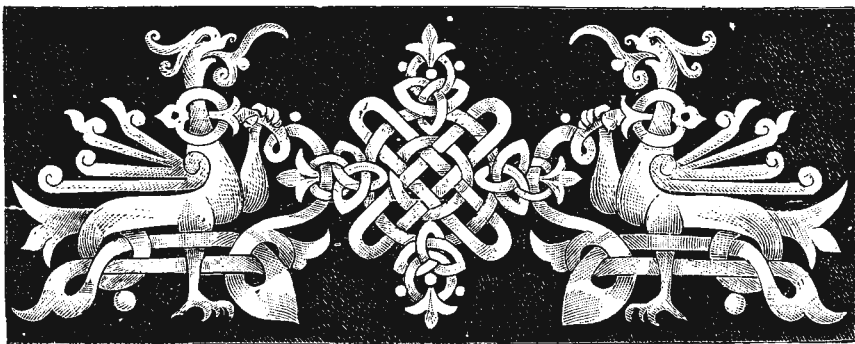
За всѣ пятнадцать лѣтъ управленія Кауфмана въ краѣ ни разу не поднималось никакихъ безпорядковъ, и туземцы искренно считали себя счастливыми подданными Бѣлаго царя.

Насколько популяренъ былъ самъ представитель государя, можно судить уже по тому, что когда черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти К. П. была объявлена подписка на памятникъ ему, то въ два года она достигла восьмидесяти тысячъ, которыя собрались почти исключительно въ краѣ. Ни о какомъ пачальническомъ давленіи не могла быть и рѣчи: подписка шла въ годы смуты, когда власть колебалась даже и тамъ.

Е. Толбуховъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О К. П. ФОНЪ-КАУФМАНЪ

БЫЛЪ назначенъ въ 1855 г. въ гренадерскій резервный саперный батальонъ, стоявшій въ Новгородѣ и только что сформированный. Севастопольская осада въ то время была въ полномъ разгарѣ, и во всѣхъ частяхъ войскъ чувствовался громадный недостатокъ въ офицерахъ. Такъ было и въ батальонѣ, въ который меня закинула судьба. Кромѣ батальоннаго командира, тамъ было всего шесть офицеровъ, изъ которыхъ четыре нужны были для командованія ротами, а два служили адъютантомъ и канцеляремъ. Въ число первыхъ четырехъ попалъ и я, но батальонный командиръ не рѣшался дать мнѣ роту, такъ какъ мнѣ въ то время шелъ только двадцать первый годъ жизни, и я былъ совершенно несвѣдущъ въ службѣ, недавно оставивъ школьную скамейку.

О своихъ сомнѣніяхъ по отношенію ко мнѣ батальонный командиръ рапортовалъ въ инженерный штабъ, прося прислать какого нибудь офицера постарше и поопытнѣе меня. Но офицеровъ лишнихъ не было, и начальникъ штаба, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ утвердилъ меня командиромъ четвертой роты.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того я поѣхалъ въ Петербургъ, безъ всякой особенной цѣли, а просто чтобы повидаться кое съ кѣмъ изъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами по училищу, и мы, на радостяхъ свиданія и чтобы спрыснуть мое назначеніе ротнымъ командиромъ, нѣсколько дней порядочно покутили.

Офицерское содержаніе въ то время было крайне скудно: такъ, напримѣръ, я, какъ прапорщикъ, получалъ всего семьдесятъ пять рублей въ треть, да кое-какіе прибавочные гроши на содержаніе денщика, что все вмѣстѣ составляло менѣе трехъ-сотъ рублей въ годъ. Понятно, что при такихъ средствахъ (а своихъ у меня не было) я не могъ много взять на поѣздку въ Петербургъ и скоро остался безъ гроша, такъ что не на что было вернуться къ мѣсту своего служенія. Занять было не у кого, и я, по совѣту одного изъ товарищей, рѣшился поѣхать къ Кауфману съ повинной головой.

Онъ жилъ тогда въ одномъ изъ павильоновъ, стоящихъ передъ Инженернымъ замкомъ.

Надѣвъ мундиръ, я каску взялъ въ руки и держалъ ее подъ шинелью, а голову прикрылъ фуражкой. Сдѣлалъ я это потому, что каска вообще была неудобнымъ головнымъ уборомъ, а въ Новгородѣ мы всѣ, офицеры, постоянно ходили въ фуражкахъ.

Подъѣхавъ къ павильону, я взшелъ во второй этажъ, оставилъ въ передней фуражку, каску же взялъ по формѣ въ лѣвую руку и приказалъ денщику доложить о себѣ.

Кауфманъ немедленно меня принялъ.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ, когда я представился: — съ вами сейчасъ никто не подѣхалъ ко мнѣ?

— Никто, ваше превосходительство.

— Я стоялъ у окна, — продолжалъ онъ, — и мнѣ показалось, что подѣхалъ еще одинъ офицеръ, но въ фуражкѣ.

При этихъ словахъ я вспыхнулъ, какъ ракъ.

— Это былъ я, ваше превосходительство. Я ѣхалъ въ фуражкѣ, а каску имѣлъ въ рукахъ.

— А-а! — протянулъ онъ, улыбнувшись. — Чѣмъ же я могу вамъ служить?

— Прежде всего, ваше превосходительство, позвольте поблагодарить васъ за утвержденіе меня командиромъ роты...

— Ахъ, да-да, помню! Ну, какой же вы будете ротный командиръ, когда у васъ еще и усы чуть замѣтны? Справитесь ли вы съ дѣломъ?

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Большая у васъ рота?

— Триста человѣкъ...

— Вотъ видите ли! Это большой составъ, дѣла будетъ много. Надѣюсь, вы оправдаете мое назначеніе.

Я молча поклонился.

— Имѣете чтонибудь еще сказать мнѣ?

Я снова покраснѣлъ, но, скрѣпивъ сердце, въ короткихъ словахъ объяснилъ свое положеніе и просилъ выдать мнѣ въ счетъ жалованья пятьдесятъ рублей изъ штабныхъ суммъ.

Кауфманъ добродушно засмѣялся и, положивъ руку мнѣ на эполетъ, сказалъ:

— Ну, вотъ, первый блинъ, да и комомъ! Но у меня, другъ мой, въ штабѣ никакихъ суммъ нѣтъ. Вѣдь штабъ хозяйственными дѣлами не занимается. А вы никакъ не можете иначе обойтись?

— У меня здѣсь никого нѣтъ, у кого бы я могъ занять.

— Гм! Дѣло скверное... Ну, что-жъ, развѣ выручить васъ? Я вамъ дамъ изъ своихъ собственныхъ денегъ. Вернувшись въ Новгородъ, вы мнѣ ихъ вышлете, а не то завезете сами, когда другой разъ будете въ Петербургѣ.

Говоря это, онъ прошелъ въ кабинетъ, выдвинуть ящикъ въ письменномъ столѣ, досталъ деньги и, вернувшись въ залъ, гдѣ мы говорили, передалъ ихъ мнѣ.

— Прикажете написать росписку, ваше превосходительство? — спросилъ я.

— Фу! Полноте! Какія тутъ росписки между товарищами! Когда будутъ у васъ деньги, то пришлете или привезете ихъ мнѣ, и больше ничего.

Поблагодаривъ добрѣйшаго генерала, такъ любезно оказавшаго мнѣ большую услугу, несмотря на то, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни, я уѣхалъ въ Новгородъ и только дорогою обдумалъ всю опасность положенія, въ которое поставилъ себя.

Дѣло въ томъ, что для перваго знакомства я выставилъ себя передъ нимъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ: онъ только что недавно утвердилъ меня ротнымъ командиромъ, а я ему показалъ, что не умѣю справляться со своими дѣлишками и способенъ прокутить болѣе, чѣмъ имѣю въ карманѣ. Слѣдовательно, какія же ручательства я представлялъ въ томъ, что со временемъ какъ нибудь не промотаю казенныхъ или солдатскихъ денегъ? Въ то время не было еще офицерскихъ комиссій, завѣдующихъ хозяйствами войсковыхъ частей, и ротный командиръ вполнѣ распоряжался казенными и солдатскими деньгами. Будь на мѣстѣ Кауфмана какой нибудь другой генералъ, онъ не только не помогъ бы мнѣ, но, вѣроятно, лишилъ бы командованія ротой, не въ видѣ наказанія, а единственно изъ предосторожности, убѣдившись, что такому молодому офицеру, какимъ я тогда былъ, нельзя довѣрять такой отвѣтственный постъ.

Впослѣдствіи, когда я ближе ознакомился съ Кауфманомъ и однажды напомнилъ ему этотъ случай, онъ мнѣ объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, что моя храбрость явиться къ нему и полная откровенность внушили ему довѣріе ко мнѣ. Онъ понялъ, что я не зловредный мотыга, а просто сдѣлалъ неосторожность по крайней молодости и неопытности.

Вернувшись въ Новгородъ, я разсказалъ о своемъ приключеніи батальонному командиру Гудимъ-Левковичу, который отечески пожурилъ меня за это приключеніе и также высказалъ мнѣ, что чрезъ

это я могъ лишиться роты и вообще испортить себѣ карьеру. Онъ посовѣтоваль мнѣ возвратить деньги какъ можно скорѣе, для чего черезъ недѣлю нарочно отпустилъ меня въ Петербургъ.

На этотъ разъ я уже не надѣвалъ фуражки, а подѣхалъ къ павильону Кауфмана въ полной парадной формѣ, съ каскою на головѣ. Но, къ моему сожалѣнію, его не было дома. Такъ какъ я имѣлъ намѣреніе передать ему деньги лично, то вложилъ ихъ въ чистый конвертъ, безъ всякой надписи и не заклеенный.

Двери мнѣ отворила молодая горничная, очень изящно одѣтая въ ситцевое свѣтленькое платье, съ бѣлымъ передникомъ.

Мнѣ не было времени заѣхать другой разъ, и потому, заклеивъ конвертъ, я отдалъ его этой горничной, съ просьбой передать генералу отъ такого-то.

Но, вернувшись въ Новгородъ, я впалъ въ сомнѣніе на счетъ судьбы моихъ денегъ. Во-первыхъ, горничная могла перевернуть или и вовсе забыть мое имя, а, во-вторыхъ, я не догадался сдѣлать надписи на конвертѣ, такъ что эта передача денегъ имѣла очень неряшливый и невѣжливый видъ. Батальонный командиръ, которому я высказалъ свои сомнѣнія, совершенно согласился со мною и посовѣтоваль въ первый же разъ, что я буду въ Петербургѣ, заѣхать къ Кауфману и объяснить.

Я такъ и сдѣлалъ.

На этотъ разъ Кауфманъ былъ дома, и я засталъ его среди зала бесѣдующимъ съ командиромъ гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона, учрежденнаго императоромъ Николаемъ I и упраздненнаго въ началѣ царствованія императора Александра II.

— Что прикажете, молодой человѣкъ?—спросилъ Кауфманъ, въ отвѣтъ на мой поклонъ у дверей.— Подойдите сюда!

Я приблизился и объяснилъ, что недавно возвратилъ ему деньги, передавъ ихъ въ конвертѣ горничной, а теперь заѣхалъ собственно для того, чтобы лично поблагодарить его за оказанную мнѣ большую услугу.

Едва дослушавъ меня, Кауфманъ расхохотался чуть не до слезъ.

— Ну, что прикажете дѣлать съ этой молодежью!—сказалъ онъ, среди смѣха, командиру конно-піонернаго дивизіона.— Возвращаюсь, я однажды домой, и горничная передаетъ мнѣ конвертъ съ деньгами, безъ всякой надписи—кому и отъ кого! Говорить только, что въ конвертѣ пятьдесятъ рублей, которые привезъ какой-то офицеръ, фамилію котораго она забыла. А я, въ свою очередь, совершенно забылъ, что далъ вотъ этому молодому человѣку деньги. Какъ ни ломалъ голову, ничего не могъ придумать, откуда онѣ и зачѣмъ. Порѣшилъ спрятать конвертъ не распечатывая и ждать объясненій отъ времени. Вотъ онъ, вашъ конвертъ.

Сказавъ это, Кауфманъ прошелъ въ кабинетъ и вернулся оттуда съ моимъ конвертомъ въ рукахъ.

— Видите, я такъ и не трогалъ,— обратился онъ ко мнѣ.— Да какъ же это вы не догадались хоть два слова написать мнѣ въ объясненіе?

— Виновать, ваше превосходительство. Я хотѣлъ лично передать вамъ, но, не заставъ васъ дома...

— Ну-ну, Богъ съ вами!—перебилъ онъ меня.—Благо, теперь вы вывели меня изъ недоумѣнія. Спасибо вамъ, что заѣхали объяснить.

Онъ дружески протянулъ мнѣ руку, и мы разстались самыми лучшими пріятелями...

Пріятелями!—насмѣшливо и презрительно скажутъ мнѣ скептики. Экое фанфаронство, экое нахальство! Прапорщикъ и генераль-лейтенантъ—пріятели! Безусый офицеришка и начальникъ штаба—пріятели! Комаръ и слонъ—пріятели!

А между тѣмъ это было такъ, и я ни на волосъ не злоупотребилъ этимъ словомъ. Благодаря разсказанному случаю, К. П. фонъ-Кауфманъ дѣйствительно сталъ относиться ко мнѣ совершенно по-пріятельски и даже потоварищески, несмотря на разницу лѣтъ, на разницу въ общественномъ положеніи, на разницу въ служебныхъ отношеніяхъ и пр. Со временемъ, когда въ 1861 году я вышелъ въ отставку и пересталъ быть его подчиненнымъ, наши отношенія еще улучшились, такъ какъ служебная дисциплина отошла въ сторону, и между нами рухнула главнѣйшая преграда къ болѣе дружескому сближенію.

Какъ всѣмъ извѣстно, К. П. фонъ-Кауфманъ былъ назначенъ виленискимъ генераль-губернаторомъ послѣ графа Муравьева, усмирившаго польское возстаніе. Однажды, пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ, онъ встрѣтилъ меня на Невскомъ проспектѣ и просилъ зайти къ нему, поговорить о старинѣ, подъ которою онъ разумѣлъ свою службу въ инженерномъ корпусѣ.

— Приходите утромъ,—прибавилъ онъ,— между девятью и десятью часами. Въ это время я всего свободнѣе.

На другой же день, нарядившись во фракъ, я поѣхалъ къ нему.

— Ну!—воскликнулъ онъ.— Къ чему это такія церемоніи? Я ожидалъ васъ къ себѣ запросто. Садитесь. Вы курите?

— Курю, ваше превосходительство.

— Такъ вотъ сигары и папиросы, берите, что вамъ понравится.

Съ этими словами онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему лакею подать намъ чаю.

Сначала онъ меня разспросилъ о моемъ житьѣ-бытьѣ, а потомъ разговоръ невольно перешелъ на политическія событія даннаго времени и преимущественно на его труды въ Вильнѣ.

— Скажите, пожалуйста, Константинъ Петровичъ, какое впечатлѣ-

тѣніе вы вынесли изъ вашего пребыванія въ Вильнѣ?—спросилъ я.—Есть ли какая нибудь надежда на примиреніе, хотя бы въ далекомъ будущемъ?

Кауфманъ грустно улыбнулся, покачавъ головою.

— Развѣ въ очень отдаленномъ будущемъ,—сказалъ онъ.—У поляковъ политика тѣсно связана съ ихъ религіей. Можно сказать, что политика питается ихъ религіей. Вы вѣдь знаете, что главными руководителями послѣдняго возстанія были ксендзы. Это было такъ и раньше, и будетъ продолжаться такъ впередъ. Хотя я еще недавно въ Вильнѣ и не имѣлъ возможности вполне освоиться съ положеніемъ дѣла, но оно мнѣ представляется въ слѣдующей картинѣ: между поляками очень много лицъ, которые понимаютъ, что для Польши выгоднѣе искренно помириться съ Россіей, и я не скажу, чтобы такихъ лицъ было мало. Но поляки, при всѣхъ своихъ многихъ достоинствахъ, имѣютъ слабость легко подчиняться женскому вліянію. Польскія женщины, въ свою очередь, подчиняются ксендзамъ, которые, благодаря исповѣди, воспитываютъ женъ и матерей въ духѣ враждебномъ Россіи. Теперь вы поймете положеніе русской власти: чтобы добиться примиренія, она должна бы дѣйствовать на корень зла, то-есть на ксендзовъ, а надъ ними она не имѣетъ никакой власти, ни нравственной, ни матеріальной. Врагъ и близокъ, но недоступенъ.

— А развѣ ксендзы не способны додуматься до выгоды сближенія съ Россіей?

— Никогда! Если бы они, какъ русскіе или лютеранскіе священники, были семейными, то польскій вопросъ давно былъ бы порѣшенъ миролюбиво, къ выгодамъ обѣихъ сторонъ. Но ксендзамъ выгодно поддерживать вражду, такъ какъ она даетъ имъ власть, а вмѣстѣ съ властью и всѣ другія выгоды. Теперь они играютъ въ политику, что придаетъ имъ крупное значеніе, а если бы состоялось примиреніе Россіи съ Польшей, то они обратились бы въ простыхъ служителей церкви, какъ русскіе и лютеранскіе священники и пасторы.

— Но неужели между ксендзами не найдется патріотовъ, которые изъ любви къ родинѣ старались бы о примиреніи?

— Встрѣчаются такіе, но, къ сожалѣнію, очень рѣдко. Вы вѣдь знаете, конечно, что, благодаря безбрачію, ксендзы составляютъ армію, подчиненную папѣ. Они такъ и воспитываются, что при вопросѣ: что имъ дороже—Римъ или отечество? они, не задумываясь, отвѣтятъ—Римъ. Отечество для нихъ только матеріаль для службы Риму. Если вы взглянете на польское дѣло съ этой точки зрѣнія, то убѣдитесь, что всѣ наши попытки къ примиренію—только ничтожныя палліативныя средства, которые могутъ оказать свое вліяніе развѣ черезъ десятки лѣтъ.

— А выселеніе поляковъ и переселеніе на ихъ мѣсто русскихъ вы тоже относите къ палліативнымъ мѣрамъ?

Кауфманъ улынулся и махнулъ рукою.

— Даже къ наиболѣе палліативнымъ,—сказалъ онъ.—При этомъ вопросѣ надо уже говорить цифрами. Возьмите карандашъ и сосчитайте на досугѣ сами, сколько это будетъ стоить и сколько времени потребуется, чтобы эта мѣра принесла хоть сколько нибудь чувствительные результаты. Притомъ мы, русскіе, не умѣемъ исполнять такія мѣры. Возьмите хотя бы раздачу секвестрованныхъ, во время возстанія, польскихъ земель русскимъ. Ихъ раздаютъ чиновникамъ, которые менѣе кого нибудь способны сдѣлать что нибудь на пользу русскаго дѣла: они не ѣдутъ туда сами, а отдаютъ приобрѣтенныя земли тѣмъ же полякамъ или, что еще хуже, евреямъ.

— А я знаю, Константинъ Петровичъ, одного статскаго совѣтника Максимова, который приобрѣлъ такимъ способомъ имѣніе и самъ поселился въ немъ. Онъ и меня соблазнялъ обратиться къ вамъ съ просьбою о томъ же.

— И я бы вамъ ничего не далъ, — сказалъ Кауфманъ, засмѣявшись.

— Отчего?

— Не для васъ это дѣло. Чтобы жить тамъ, надо быть сильнымъ кулакомъ, такъ какъ приходится вести нескончаемую войну съ поляками и евреями, на что вы не способны. А дать вамъ имѣніе, чтобы вы его передали полякамъ или евреямъ,—я, по совѣсти, не могу. Притомъ же такихъ имѣній немного и было, и теперь уже почти не осталось. Объ этомъ больше накричали въ иностранныхъ газетахъ, чѣмъ въ дѣйствительности было.

— Такъ что ваше положеніе тамъ не изъ легкихъ?

— О, да! Даже очень тяжелое! Много мѣшаетъ дѣлу также и то, что нѣтъ людей, нѣтъ исполнителей. Часто не знаешь, кому поручить то или другое дѣло, а бываетъ даже и такъ, что совсѣмъ отказываешься отъ исполненія какой нибудь полезной мѣры, за неимѣніемъ людей, которымъ можно бы было ее поручить.

Вообще, Кауфманъ смотрѣлъ очень скептически на польское дѣло и неохотно принималъ тѣ мѣры, которыя ему совѣтовались изъ Петербурга людьми, не знавшими положенія вещей на мѣстѣ и руководившимися не общегосударственными интересами, а чисто своими личными расчетами.

Въ Петербургѣ Кауфмана упрекали въ излишней строгости по отношенію къ полякамъ, что и послужило поводомъ къ тому, что потомъ его переѣстили изъ западныхъ губерній на такой же постъ въ Туркестанъ.

Но, во всякомъ случаѣ, какъ онъ и самъ это сознавалъ, постъ виленскаго генералъ-губернатора въ то бурное время быть совершенно не по его характеру и склонностямъ, и онъ съ большою радостью уѣхалъ въ глубину нашихъ азіатскихъ владѣній.

Однажды, я заѣхалъ въ Маринскій театръ, гдѣ имѣлъ мѣсто въ пятомъ ряду креселъ. Во время антракта зрители, занимавшіе первый рядъ креселъ, встали, оперлись о барьеръ, отдѣлявшій ихъ отъ оркестра, и лорнировали залъ. Оглядѣвъ ихъ, я, къ величайшему своему удовольствію, напелъ между ними Константина Петровича. Хотя о пріѣздахъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургъ публикуется почти во всѣхъ газетахъ, но я, должно быть, прозѣвалъ сообщеніе о пріѣздѣ Кауфмана, и потому увидѣть его въ театрѣ было для меня большимъ сюрпризомъ. Немедля я всталъ и подошелъ къ нему.

Онъ, по обычаю, дружески пожалъ мнѣ руку.

— Давно вы въ Петербургѣ, генераль?—спросилъ я.

— Вотъ уже третья недѣля,—сказалъ онъ.

— Не знаю, какъ это я просмотрѣлъ о вашемъ пріѣздѣ, а то бы давно заѣхалъ къ вамъ. Надѣюсь, вы не завтра уѣзжаете обратно?

Онъ засмѣялся.

— Пріѣхать сюда изъ Ташкента—это не то, что изъ Царскаго Села,—сказалъ онъ.—Я пробуду здѣсь по крайней мѣрѣ три мѣсяца, если не больше. Очень радъ, что мы съ вами столкнулись, такъ какъ эти дни я думалъ о васъ и хотѣлъ послать за справкой въ адресный столъ. У меня есть просьба до васъ. Вы не откажетесь ее исполнить?

— Если она возможна, то уже исполнена, если же не возможна, то будетъ исполнена,—отвѣтилъ я, пародируя слова министра финансовъ де-Колоннъ, сказанныя имъ Маріи-Антуанеттѣ, когда она просила у него достать деньги для покупки брильянтоваго ожерелья.

Мой отвѣтъ разсмѣшилъ Кауфмана, и, пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Здѣсь о дѣлѣ неудобно говорить, да и мало времени. А если васъ не очень затруднить, то заѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ.

— Въ какомъ часу прикажете?

Онъ подумалъ немного.

— Часу въ десятомъ... Это удобно для васъ?

— О, хотя бы ночью. Вы не должны забывать, Константинъ Петровичъ, что всегда и во всякое время можете располагать мною, какъ вамъ угодно.

— Благодарю, мой другъ. Такъ завтра я буду васъ ждать.

На другой день, къ десяти часамъ, я подѣхалъ къ дому на Большой Морской, въ которомъ онъ остановился, и, войдя въ залъ, крайне удивился, найдя въ немъ человѣкъ тридцать просителей, начиная отъ военныхъ генераловъ и кончая бѣдными вдовицами или отставными солдатами. Всѣ они стояли кругомъ стѣнъ и терпѣливо ожидали выхода Кауфмана. Вчера, назначая мнѣ часъ для свиданія, онъ, вѣроятно, забылъ, что въ это время у него будетъ приѣмъ, мелькнуло у меня въ головѣ. Въ первую минуту я хотѣлъ уйти,

чтобы захватить въ другое время, но потомъ передумалъ и остался, помѣстившись въ самомъ хвостѣ публики.

Минуть черезъ десять лакей во фракѣ отдернулъ портьеру соседней комнаты, и въ залъ вошелъ Кауфманъ. Разумѣется, всѣ присутствующіе глубоко поклонились ему. Онъ отвѣтилъ на общій поклонъ и обвелъ глазами кругомъ. Я стоялъ спокойно, надѣясь, что онъ начнетъ пріемъ съ генераловъ, и до меня очередь дойдетъ еще не скоро; но, къ моему, а, вѣроятно, и къ общему изумленію, онъ быстро прошелъ чрезъ весь залъ прямо ко мнѣ и, взявъ подъ руку, повелъ въ свой кабинетъ.

— Очень радъ,—говорилъ онъ дорогою,—что вы не измѣнили своему обѣщанію. Пойдемте, мнѣ крайне нужно и слѣшно съ вами поговорить.

Приказавъ лакею задернуть портьеру, онъ предложилъ мнѣ кресло у стола, передъ которымъ сѣлъ.

— Мнѣ помнится,—началъ онъ,—что вы занимались одно время желѣзными дорогами?

— Да, ваше превосходительство, занимался.

— Голубчикъ!—воскликнулъ онъ,—такъ вы можете оказать мнѣ большую услугу...

— Все, что прикажете,—отвѣтилъ я, поклонившись.

— Видите, въ чемъ дѣло. Я вѣдь пріѣхалъ сюда не для прогулки, какъ вы можете понять, а для того, чтобы передать правительству, во-первыхъ, о своихъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ на меня этотъ совершенно новый для насъ край, а, во-вторыхъ, чтобы ходатайствовать о главнѣйшихъ нуждахъ его. Самое же главное, въ чемъ онъ нуждается, это въ проведеніи желѣзной дороги, безъ чего не мыслимо развитіе края, ну... да и политическія соображенія побуждаютъ къ тому же. Надняхъ я говорилъ объ этомъ съ военнымъ министромъ, который вполне раздѣляетъ мой взглядъ и предложилъ мнѣ представить ему проектъ и расчетъ дороги.

— У васъ сдѣланы какія нибудь изысканія?—спросилъ я.

— Ничего нѣтъ, милый вы мой, ровно ничего нѣтъ! Вотъ въ томъ-то и бѣда теперь. У меня есть только карты, и то, конечно, не геодезическія, такъ какъ триангуляція до насъ еще не доведена.

Онъ взялъ съ бокового стола большой свертокъ и развернулъ его передо мною.

— Вотъ видите, это все, что мы имѣемъ пока. Такъ какъ я пріѣхалъ по этимъ землямъ два раза, то могу вамъ сдѣлать нѣкоторыя объясненія и дополненія. Начнемъ дорогу отсюда...

И онъ началъ мнѣ объяснять по памяти о свойствахъ той мѣстности, по которой предполагалъ провести линію дороги, дѣлая иногда кое-какія отмѣтки на картѣ. Я, въ свою очередь, вынужвъ записную книжку, записывалъ его замѣчанія.

— Вѣдь теперь, конечно, нельзя требовать точнаго и подробнаго

проекта,—сказалъ онъ, когда мы прошли всю линію.—Сдѣлайте, если можете, схематическій проектъ, чтобы хотя приблизительно можно было составить расчетъ стоимости дороги. Вы понимаете меня?

— Понимаю, вапе превосходительство.

— Сколько времени понадобится вамъ для этого?

— А вы очень спѣшите съ этимъ дѣломъ?

— Каждый часъ дороги!

— Все-таки я попрошу васъ дать мнѣ недѣлю времени...

— Недѣлю?—переспросилъ онъ, подумавъ.—Хорошо, идетъ на недѣлю.

Затѣмъ, естественнымъ образомъ, нашъ разговоръ перешелъ на Туркестанскій край, о которомъ Кауфманъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ. Онъ подробно описывалъ мнѣ его настоящее состояніе, говорилъ о богатствахъ земли, объ орошеніи, о торговлѣ, образованіи и т. д. Ничего тамъ не было, все надо было заводить, начинать, создавать. Работы было много, но работы созидательной, плодотворной, которая, такъ сказать, горѣла въ рукахъ...

Между прочимъ я спросилъ его: имѣетъ ли онъ понятіе объ азіатскихъ владыкахъ, что это за люди и чего отъ нихъ можно ожидать?

— О!—сказалъ онъ,—къ нимъ совершенно непримѣнима наша европейская мѣра. Да вотъ, чтобы не долго распространяться, расскажу вамъ слѣдующій анекдотъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда хивинскій ханъ прислалъ ко мнѣ своего племянника привѣтствовать меня съ прибытіемъ. Въ собственноручномъ письмѣ онъ, между прочимъ, просить меня оказать ему, по доброму сосѣдству, маленькую услугу именно: оставить племянника у себя, а ему, то-есть хану, возвратитъ только голову его, полученіе которой онъ почтетъ за видимый знакъ моего расположенія къ нему... Какъ вамъ это понравится?

— Вотъ-то чудакъ! Да развѣ самъ онъ не могъ казнить племянника, если это было нужно?

— Вѣроятно, не могъ или боялся. Какъ видите это совершенные дикари, разбойники, и ханъ ничѣмъ не отличается отъ своего послѣдняго подданнаго, кромѣ дорогого халата. Также необразованъ, также грязенъ и также дикъ.

— Но все-таки я не могу понять: какъ онъ могъ додуматься до такой нелѣпой просьбы къ вамъ?

— Я думаю, очень просто. Наслышавшись о могуществѣ бѣлаго царя, онъ по-своему разсудилъ, что этотъ бѣлый царь, имѣя много милліоновъ подданныхъ, только и дѣлаетъ, что рубитъ имъ головы. Вѣдь въ глазахъ подобнаго дикаря могущество выражается единственно въ возможности рубить головы. Отсюда ему не далеко было дойти до мысли, что и генералы бѣлаго царя пользуются такой же властью, и что я, какъ вновь прибывшій, не откажусь, для начала

знакомства, оказать ему эту маленькую пріятельскую услугу. Вѣдь всякій мѣрить на свой аршинъ.

Я случайно взглянулъ на часы, стоявшіе на каминѣ, и замѣтилъ, что было уже одиннадцать часовъ. Для провѣрки я вынулъ свои карманные: они тоже показывали одиннадцать.

— Ахъ, Боже мой! — спохватился Кауфманъ. — Вѣдь въ залѣ меня ждутъ. Простите, голубчикъ, мнѣ надо принять всѣхъ ожидающихъ меня. Такъ возьмите эту карту и сдѣлайте, что будетъ возможно. Черезъ недѣлю я жду васъ.

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ въ залъ и началъ пріемъ. Признаюсь, что я давно думалъ объ ожидавшихъ въ залѣ, но, во-первыхъ, не считалъ приличнымъ напоминать о нихъ, а, во-вторыхъ, вся бесѣда Кауфмана была такъ любопытна, что я съ жадностію его слушалъ, хотя, какъ говорится, сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Поэтому, когда я проходилъ черезъ залъ и видѣлъ устремленные на меня глаза измученныхъ долгимъ ожиданіемъ просителей, то мнѣ казалось, что я виноватъ передъ ними тѣмъ, что не простился съ генераломъ тотчасъ же, какъ мы окончили дѣловой разговоръ, и позволилъ себѣ слушать его рассказы, уже не имѣвшіе дѣлового характера.

Черезъ нѣсколько дней Кауфманъ сообщилъ мнѣ, что онъ показывалъ мой проектъ военному министру, и что это дѣло, вѣроятно, въ скоромъ времени осуществится.

Въ теченіе своей жизни я никогда не встрѣчалъ человѣка пожилого, при томъ администратора, занимавшаго высокіе посты, который сохранилъ бы такую юношескую свѣжесть, какъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Это былъ чрезвычайно живой человѣкъ, живой не въ смыслѣ быстроты движеній, а въ смыслѣ такомъ, что его не заѣла служебная рутина, что до конца своихъ дней онъ сохранилъ способность увлекаться всѣмъ новымъ и увлекаться съ чисто юношескимъ пыломъ.

Однажды, мы разговорились о путяхъ сообщенія, именно о томъ, какой громадный переворотъ совершили въ человѣческой жизни желѣзныя дороги и пароходы.

— А что будетъ, Константинъ Петровичъ, — замѣтилъ я, — когда изобрѣтутся подводныя суда и летательные аппараты? Вѣдь тогда весь строй нашей жизни совершенно измѣнится и болѣе кореннымъ образомъ, чѣмъ его измѣнили желѣзныя дороги.

— А знаете ли, — сказалъ онъ, — что вѣдь это время очень недалеко.

— Почему вы такъ думаете?

— Да я уже плавалъ въ подводной лодкѣ.

— Можетъ ли быть?

— Увѣряю васъ. Вы, можетъ быть, слышали о подводной лодкѣ, изобрѣтенной Б.? ¹⁾

— Какъ же, я даже лично знаю его.

— Ну, такъ вотъ, когда она была построена на средства морского министерства, и надо было ее испробовать, то я имѣлъ возможность плавать въ ней.

— Ну, право же, Константинъ Петровичъ, я не повѣрилъ бы этому, если бы не вы сами мнѣ рассказывали, — замѣтилъ я.

— Развѣ вы меня считаете такимъ трусомъ? А это что? — прибавилъ онъ шутя, указывая на свой георгіевскій крестъ.

— Это совсѣмъ другое дѣло: на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна; кромѣ того, рискуя жизнью въ бою, васъ поддерживаетъ сознаніе великаго дѣла, которымъ вы служите государству. А рисковать жизнью, довѣряя ее неизвѣстному еще механическому аппарату, за который и самъ изобрѣтатель не могъ отвѣчать, надо имѣть особое мужество, которое для меня трудно постижимо...

— И вотъ у меня нашлось это мужество, — весело сказалъ Кауфманъ. — Я съ удовольствіемъ поднялся бы также на воздухъ, — прибавилъ онъ, — да, къ сожалѣнію, нѣтъ еще такого инструмента... Вы не занимаетесь воздухоплаваніемъ?

— Занимаюсь.

— То есть, какъ именно?

— Читаю все, что возможно, и пробую иногда проектировать. Дѣлаю даже маленькіе опыты.

— Можете мнѣ показать какія нибудь ваши работы?

— Есть у меня одинъ проектъ управляемаго аэростата, но только я самъ привношу его неудобнымъ...

— Почему?

— Во-первыхъ, потому, что исполненіе его потребуетъ большихъ денегъ, которыхъ никоимъ образомъ не достать, а, во-вторыхъ, это аэростатъ, а всякіе аэростаты не могутъ служить практическимъ цѣлямъ.

— Все-таки покажите мнѣ вашъ проектъ.

— Извольте.

Нужно замѣтить, что этотъ разговоръ происходилъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда еще не появились на свѣтъ управляемые аэростаты Дюпюи де Ломе (Dupuy de Lôme), Ренара и Кребса и другихъ. Какъ впоследствии оказалось, мой проектъ очень близко подходилъ къ проектамъ этихъ французскихъ инженеровъ. Я проектировалъ аэростатъ удлиненной формы, съ подвѣшенной къ нему

¹⁾ Я не помню хорошенько фамиліи этого изобрѣтателя, что-то въ родѣ Барановскаго или Баронцакаго, техника морского вѣдомства, съ которымъ я встрѣчался въ клубѣ художниковъ.

лодкой, въ которой находилась машина, приводившая въ движеніе винтъ, сообщавшій всему аппарату поступательное движеніе.

Когда, на другой день, утромъ, я показалъ Кауфману чертежи и объяснилъ всѣ подробности устройства, онъ нашелъ мой проектъ осуществимымъ.

— Знаете ли что? — сказалъ онъ, взглянувъ на часы. — Я сейчасъ долженъ ѣхать къ военному министру. Поѣдьте со мною!

— Но, Константинъ Петровичъ, я не во фракѣ, а успѣю ли заѣхать переодѣться?

— Нѣтъ, не успѣете, такъ какъ я поѣду черезъ десять минутъ. Да это ничего! Сюртукъ у васъ вполне приличный, а я объясню министру, что захватилъ васъ врасплохъ. Притомъ Дмитрій Алексѣевичъ далеко не педантъ въ этихъ случаяхъ.

Мы поѣхали. Кауфманъ просилъ меня обождать въ пріемномъ залѣ, а самъ прошелъ въ кабинетъ министра, взявъ съ собою мой проектъ. Минутъ черезъ двадцать онъ позвалъ меня.

Милютинъ стоялъ у окна, около стола, на которомъ были разложены мои чертежи. Кауфманъ представилъ меня.

По желанію министра я объяснилъ устройство аппарата.

— Да, — сказалъ онъ, когда я кончилъ: — очень возможно, что этотъ аппаратъ и будетъ дѣйствовать. Во всякомъ случаѣ любопытно было бы испытать его. Какая сумма потребуется для устройства его? — спросилъ онъ меня.

Къ отвѣту на этотъ вопросъ я совершенно не былъ подготовленъ.

— Не знаю, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я. — Смѣты я не составлялъ, такъ какъ никогда не думалъ осуществлять этотъ проектъ.

— Ну, да какъ вы думаете хоть приблизительно?

Что было дѣлать? Не отвѣчать нельзя.

— Тысячъ пятьдесятъ, — сказалъ я на удачу.

Министръ слегка нахмурился и покачалъ головою.

— Это слишкомъ много, — сказалъ онъ. — Такой суммой, я не могу располагать на подобный опытъ. На десять тысячъ я бы рискнулъ.

Положеніе мое сдѣлалось крайне неловкимъ: я испугался, чтобы министръ и Кауфманъ не заподозрѣли меня въ желаніи воспользоваться казенными деньгами для своихъ личныхъ надобностей, такъ была велика разница между суммой, которую я называлъ, и тою, которую предлагалъ мнѣ министръ.

— Позвольте мнѣ быть посредникомъ между вами, — сказалъ Кауфманъ. — Вы, Эвальдъ, убавьте, ну хоть бы до двадцати пяти тысячъ, а министръ, можетъ быть, согласится прибавить до двадцати пяти тысячъ?..

Военный министръ ничего на это не сказалъ, но внимательно смотрѣлъ на меня, ожидая отвѣта. Изъ этого я заключилъ, что,

пожалуй, онъ и согласился бы на предложеніе Кауфмана. Но какъ мнѣ было согласиться на двадцать пять тысячъ, когда я понималъ, что и пятидесяти-то тысячъ будетъ слишкомъ не достаточно. А кромѣ того, соглашаясь на половинную сумму, не показалъ ли бы я этимъ, что хотѣлъ другую половину присвоить себѣ? Я чувствовалъ, что кровь приливаетъ у меня къ головѣ, и рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Между тѣмъ и медлить съ отвѣтомъ тоже было неудобно.

— Что же вы задумались?—спросилъ Кауфманъ.—Право, двадцать пять тысячъ—прехорошенькія деньги,—прибавилъ онъ шутя.

Къ счастью, въ эту страшно тяжелую минуту меня осѣнила по истинѣ гениальная мысль.

— Позвольте мнѣ двѣ-три минуты,—сказалъ я, поклонившись Милютину,—и мы сейчасъ увидимъ, сколько можетъ понадобится.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ министръ.

Я вынулъ изъ кармана записную книжку съ карандашемъ и началъ считать. Самая дорогая часть аппарата была, конечно, шелковая оболочка аэростата, и потому я началъ съ нея. Производя вычисленія, я нарочно говорилъ вслухъ, чтобы министръ и Кауфманъ могли слѣдить за правильностью выкладокъ. Вычисливъ приблизительно поверхность аэростата и предположивъ, что шелковая матерія будетъ имѣть ширины одинъ аршинъ, мы получили число аршинъ.

— Сколько можетъ стоять аршинъ такой матеріи?—спросилъ я, ни къ кому не обращаясь.—Рубля три?

— Ну, нѣтъ, гораздо дороже,—перебилъ меня Кауфманъ.—Тутъ потребуется очень плотная матерія, которую надо будетъ специально заказать на фабрикѣ. Меньше десяти рублей нельзя положить.

— Возьмемте пять рублей,—продолжалъ я, дѣлая умноженіе:—и то выходитъ, какъ изволите видѣть, гораздо болѣе пятидесяти тысячъ. Это только на оболочку аэростата. Затѣмъ на рубашку его надо прибавить половину этой суммы, потомъ сѣтку, челнокъ, машину, всѣ другія принадлежности...

— Дальше ужъ нечего и считать,—замѣтилъ Кауфманъ, засмѣявшись.

— Да,—сказалъ министръ,—теперь я вижу, что меньше двухъ сотъ тысячъ нельзя обойтись, но такую сумму я никакъ не могу затратить на опытъ. Очень жаль, такъ какъ любопытно было бы испытать подобный аппаратъ. Вы не бросайте этого дѣла,—прибавилъ онъ, протягивая мнѣ на прощанье руку.—Можетъ быть, со временемъ мы и найдемъ средства сдѣлать опытъ.

Я поклонился обоимъ генераламъ и, собравъ чертежи, направился къ выходной двери.

— Обождите меня въ залѣ,—сказалъ Кауфманъ.— И сейчасъ выйду.

Минутъ черезъ десять онъ вышелъ изъ кабинета и, взявъ меня подъ руку, повелъ къ выходу, предложивъ заѣхать къ нему.

— Напрасно,—говорилъ онъ дорогою, когда мы ѣхали въ его каретѣ,—напрасно вы не согласились взять двадцать пять тысячъ. Вы, конечно, замѣтили что министръ согласился бы ихъ дать?

— Замѣтилъ. Но какъ же, Константинъ Петровичъ, я могъ бы согласиться на эту сумму, когда, какъ вы сами видѣли, ея не хватило бы даже на четверть оболочки, не говоря уже о всемъ прочемъ?

— Ахъ, какой вы непрактичный человѣкъ! Вотъ возьмите примѣръ съ Б., въ подводной лодкѣ котораго я ѣздилъ. Онъ просилъ сначала у морского министра всего пятнадцать тысячъ. Ему дали. На эти деньги онъ сдѣлалъ кое-что и представилъ свои работы съ подробнымъ счетомъ ихъ стоимости. Тогда ему дали еще пятнадцать тысячъ. Ихъ опять не хватило, онъ просилъ еще прибавить. Прибавили. Такимъ путемъ онъ довелъ постройку до конца, и его лодка обошлась около ста пятидесяти тысячъ! А проси онъ эти деньги выдать ему сразу,—навѣрное получилъ бы отказъ.

— Вѣрю вамъ, Константинъ Петровичъ, но между мною и этимъ Б. безконечная разница.

— Зачѣмъ же вы составляли свой проектъ?

— Я составлялъ его, когда еще вѣрилъ въ возможность управляемыхъ аэростатовъ. Но именно во время составленія проекта, когда поневолѣ приходилось глубже изучать всѣ физическія явленія, связанныя съ подобнымъ аппаратомъ, я убѣдился въ его неосуществимости, оттого и держалъ свой проектъ подъ спудомъ. А развѣ возможно создавать что нибудь безъ вѣры въ свое дѣло?

— Совершенно вѣрно! Такъ вы нисколько не огорчены нашей неудачной поѣздкой къ министру?

— Нисколько! Напротивъ, я вышелъ изъ его кабинета въ восторгѣ отъ того, что мнѣ посчастливилось вывернуться изъ крайне затруднительнаго положенія.

— Изъ какого это?—съ удивленіемъ спросилъ Кауфманъ.

— А когда вы предложили мнѣ уступить изъ пятидесяти тысячъ—двадцать пять? Если бы я согласился на это, то развѣ министръ и даже вы не могли бы подумать, что другія двадцать пять тысячъ я намѣревался присвоить себѣ? Хорошо, что я догадался сдѣлать расчетъ...

— О!—перебилъ меня Кауфманъ,—повѣрьте, что ни министръ, ни тѣмъ болѣе я, никогда бы не заподозрѣли васъ въ такомъ поступкѣ! Если я предложилъ вамъ уменьшить сумму, то только потому, что у васъ не было смѣты, и вы назвали пятьдесятъ тысячъ наугадъ. Кромѣ того, я рассчитывалъ на то, что если бы двадцати пяти тысячъ не хватило, то министръ впослѣдствіи не отказалъ бы дополнить сумму, чтобы окончить аппаратъ. А я вовсе не имѣлъ въ головѣ, чтобы вы запросили лишнее, какъ апраксинскій лавочникъ. Нѣтъ, въ этомъ всегда можете быть покойны.

Такъ мы доѣхали до резиденціи Кауфмана, и онъ пригласилъ меня позавтракать у него.

Увы! это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ.

Я не имѣю данныхъ для того, чтобы сдѣлать оцѣнку административной дѣятельности Кауфмана, уже потому одному, что во время знакомства со мною онъ дѣйствовалъ въ дали отъ Петербурга, и я видался съ нимъ только урывками, когда онъ пріѣзжалъ въ столицу по дѣламъ. Но, судя о немъ по тѣмъ немногимъ бѣсѣдамъ, которыя онъ велъ со мною, и по тѣмъ немногимъ фактамъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, я долженъ думать, что и въ исполненіе своихъ обязанностей онъ вкладывалъ ту же живую душу, которая пробивалась у него въ каждомъ словѣ, при бесѣдахъ со мною. Какъ я уже говорилъ выше, онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ не заѣдаетъ служебная рутина, и которые чрезъ всю свою жизнь проносятъ неугасимый свѣточъ юношеской вѣры въ лучшее.

Пройдя большую служебную карьеру, достигнувъ высшихъ почестей, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ остался болѣе юнымъ, чѣмъ бывають многіе молодые люди въ двадцать лѣтъ. Ради науки онъ смѣло садился въ подводную лодку, которой еще никто не испытывалъ; ради прогресса человѣческой мысли онъ хлопочетъ у военнаго министра объ осуществленіи проекта летательнаго аппарата, хотя это дѣло не входитъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Итакъ онъ поддерживалъ и поощрялъ всякое новое начинаніе, всякую свѣжую мысль, въ какой бы области науки онъ ни проявлялись. Къ нему многіе обращались за поддержкою въ своихъ работахъ, и никогда и никому онъ не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ изъ себя рѣдкое явленіе въ административныхъ сферахъ, и имя его не должно умереть въ потомствѣ.

А. В. Эвальдъ.

